

Юрий Никифоров

Разноуровневые статусы и конкурентная борьба: региональная история позднего СССР через призму проектов «Города-герои» и «Золотое кольцо»*

Yuri Nikiforov

(Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky)

Multilevel statuses and competition: regional history of the late USSR as reflected through the «Hero Cities» and «Golden Ring» projects

DOI: 10.31857/S2949124X23040193, EDN: HPRNJG

Издательство «Кучково поле» предложило вниманию публики и специалистов интересную книгу о масштабных проектах советского времени — «Города-герои» и «Золотое кольцо». По мнению авторов, они повлияли «на общественно-политическую жизнь в Советском Союзе». За каждым проектом «закреплён

свой набор интерпретаций, символов и ассоциаций» (с. 7). Так, «города-герои» формировали «повествование о войне... в публичной памяти», породив общественные дискуссии (с. 9). «Золотое кольцо» связывается с внутренним туризмом и «популяризацией древней истории страны» (с. 10). Оно отсылало «к локальной социальной

---

* Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.

перспективе» и было «увязано с финансовыми вливаниями» (с. 14–16). Важную роль в исследовании играет понятие «символического капитала» и связанная с ним проблематика, хронологически охватывающая не только советский, но и постсоветский периоды, и даже последние десятилетия существования Российской империи. Авторы придерживаются системного подхода: «Города-герои» и «Золотое кольцо» идентифицируются как «частные проявления дискурсов войны и русского исторического наследия». В этой связи ставятся вопросы: «Как фиксировались границы проектов?»; «Почему города, претендовавшие на получение статуса... оказались “за бортом”?» (с. 16).

Впечатляет широта и разноплановость использованных источников. Это, прежде всего, материалы архивов – центральных (ГА РФ, РГАСПИ, РГИА) и региональных (Владимира, Волгограда, Воронежа, Иваново, Костромы, Курска, Мурманска, Нижнего Новгорода, Орла, Симферополя, Смоленска, Тулы, Ярославля), а также Республики Беларусь (с. 378–382); законодательные акты, протоколы и постановления советов министров СССР и РСФСР, Министерства культуры РСФСР, материалы обкомов и горкомов КПСС, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Активно привлекались визуальные источники: кинофильмы (включая материалы Государственного архива кинофотодокументов), музейные экспозиции. Пристальное внимание уделено эго-документам и прессе. Использован материал «устной истории» – интервью с жителями России и иностранцами, приезжавшими в 1960–1990-х гг. Оригинально подобраны визуальные источники (карты-схемы, плакаты, обложки журналов, фото), имеется объёмное документальное приложение (с. 322–366). Особен-

ность книги – обильный подстрочник. С одной стороны, это облегчает чтение, освобождая от деталей и разгружая основной текст. С другой – позволяет, напротив, заострить внимание на любопытных сюжетах. Внимательный читатель, полагаю, найдёт здесь много нового.

Структурно книга разделена на четыре главы. Заголовки разделов часто содержат яркие цитаты из источников. Например, глава I «Города-герои» открывается разделом 1.1 «“Слава воинам-героям и героям-городам!” (1940-е – начало 1950-х гг.)». Е.М. Болтунова и Г.С. Егорова пришли к выводу, что уже с 1945 г. в СССР начали «маркировку пространства, на котором свершались великие подвиги» (с. 19). Представлен широкий спектр объяснений отказа власти от увековечения тех или иных событий Великой Отечественной войны (с. 36). Интересно мнение авторов о смене направлений государственной политики памяти. Так, говоря о Ленинграде, они констатируют, что «война и империя буквально оттесняли в сторону память о революции». Как следствие, «“ленинградское дело”... вернуло ситуацию к прежним идеологическим установкам» (с. 38).

В разделе 1.2 «“На высоких киевских горах, увенчанных алым стягом”»: Украина в проекте “Города-герои”» зафиксировано официальное начало проекта: «8 мая 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР... городами-героями были названы Москва, Ленинград, Волгоград, Киев, Севастополь и Одесса. Брестская крепость... в статусе крепости-героя» (с. 49). Интересен анализ взаимодействия союзных республик и центра, закулисной борьбы в Политбюро ЦК КПСС, персональных симпатий и антипатий в руководстве СССР – всего того, что влияло на принятие решений. Значительное внимание уделено

«продвижению героического образа столицы УССР», ставшему, по мнению авторов, результатом действий Н.С. Хрущёва и «проукраинского лобби»: «Ни в Ленинграде, ни в Сталинграде, ни даже в Москве пространства, подобного... столице Украины, не было» (с. 48). Они же стремились не допускать появления конкурирующих проектов: «Против присвоения столице Белоруссии почётного звания активно выступали члены Политбюро, входившие в “днепропетровский клан” – Л.И. Брежнев, А.П. Кириленко, Н.В. Подгорный, В.В. Щербицкий». Показательно, что Брежнев приехал в Минск для вручения «Золотой звезды» лишь спустя четыре года после награждения (с. 50–51).

Авторы подчёркивают, что проект «Города-герои» быстро приобрёл «номенклатурно-идеологический характер» (с. 70). «Обращение к теме Великой Отечественной войны... становилось востребованным аргументом в аппаратной борьбе» (с. 61), что проиллюстрировано примерами противостояния Н.С. Хрущёва и Г.К. Жукова или Л.И. Брежнева и Н.Г. Егорычева вокруг мемориальных проектов (с. 68), а позднее – подключением «лоббистского ресурса» первым секретарём ЦК компартии Белоруссии П.М. Машеровым (с. 77–80). Особенно ярко это проявилось в годы правления Брежнева, сделавшего события войны важной частью своего нарождающегося культа. В этой связи рассмотрены награждения Новороссийска и Керчи, увязанные с военной биографией Брежнева (с. 72). Интересен анализ «неформальных» связей внутри аппарата ЦК КПСС по вопросу о присвоении звания «города-героя» Туле и Смоленску. В первом случае положительное решение ускорила близость первого секретаря Тульского обкома КПСС И.Х. Юнака к «днепропетровскому клану» и лично Брежневу

(с. 82–87). Во втором оно, напротив, затянулось, пройдя этапы поиска «покровителя», выхода на ключевые персоны в высшем руководстве, нейтрализации противников (с. 88). Авторы исследовали такие нюансы проекта «Города-герои», как «распределение мест в иерархии городов» («зазор» между объявлением о получении звания и церемонией вручения наград), мемориализацию как ресурс партноменклатуры, типичные причины отказа (с. 91–93).

Раздел 1.4 «Города-герои периода перестройки: случай Мурманска» открывается констатацией высокой статусности Северного флота в иерархии Военно-морских сил СССР (с. 97). Несмотря на это и вопреки тому, что «памятник защитникам советского Заполярья» был согласован с Минкультом РСФСР, присвоение городу «геройского» звания «вызвало недовольство в центральном аппарате» (с. 98). Ситуация изменилась лишь в середине 1980-х гг., причём Мурманск «получил звание, когда период всплеска общественной инициативы в регионе был уже позади» (с. 99). Авторы объясняют принятие положительного решения тем, что М.С. Горбачёв «использовал образ заполярного города-героя... для разворачивания новых внешнеполитических проектов» (с. 103–104), и вполне справедливо констатируют, что «проект... использовался для решения задач, никак не связанных ни с героизмом военных лет, ни с местной коммеморацией» (с. 106).

Раздел 1.5 «“Это несправедливо...”»: территория Курской дуги» написан, на мой взгляд, мастерски и вызывает сочувствие к жителям Орловской, Курской и Белгородской областей, обделённых почётным званием: «Ни один из городов, через которые прошёл фронт в это время, не был выбран в качестве города-символа... Успех

Курской битвы и организация партизанского движения никак не повлияли на оформление заслуг» (с. 107–109). К тому же «к 1970-м гг. центр партизанского движения в нарративе войны был закреплён за Белоруссией» (с. 110). Как следствие, «установки, транслировавшиеся населению, не предполагали приоритетного обсуждения событий... на Курской земле». Напротив, воспоминания о войне поощрялись лишь в общесоюзном контексте (с. 111). Авторы с горечью констатируют, что «вопрос о мемориализации событий 1943 г. остаётся открытым по сей день» (с. 115). При этом регион Курской битвы — не единственный, «выпавший» из мемориализации войны: то же самое произошло и с Воронежем (с. 118).

Глава 2 «Золотое кольцо» открывается разделом 2.1 «Суздаль в 1945 г.: проект создания города-музея». Суздаль — «город-музей русского искусства с уникальным статусом — для СССР случай, не имеющий аналогов» (с. 131–132), что и обусловило его выбор. Авторы опираются на нечасто используемые источники, например, «Меморандум о памятниках» физика П.Л. Капицы и «Владимирские просёлки» писателя В.А. Солоухина. Отмечены влияние войны, которая «изменила... позицию государства в отношении сохранения памятников прошлого» (с. 125), «реставрационные тенденции» 1940-х — начала 1950-х гг. и юбилей г. Владимира в 1958 г. (с. 135, 140). Всё это стало основой для идеи «Золотого кольца», хотя не обойдены вниманием и трудности, препятствовавшие её воплощению. Так, Суздаль «не был готов к приёму туристов... грязь по горло, снег с дождём, тьма в пять часов, электро почти не горит» (с. 138).

В разделе 2.2 «Борьба за создание ВООПИиК и идея “Золотого кольца”» рассмотрены этапы создания Всесоюзного общества охраны памятников

истории и культуры. «Идея получила реализацию в отдельных республиках СССР», но «республиканские организации не были объединены в единую общесоюзную структуру». Интересно, что «первые общества охраны памятников появились в Грузии и Латвии (1959 г.)» и лишь в 1966 г. — в России (с. 142–143). Авторы спорят с мнением¹ об эпохе Хрущёва как периоде «систематического уничтожения объектов, имевших культурно-историческое значение», указывая на такие тенденции тех лет, как антирелигиозная кампания и появление музеев-заповедников (с. 144–145). На мой взгляд, они вовсе не противоречат друг другу.

Создание ВООПИиК в РСФСР рассматривается с точки зрения привлечения авторитетных в обществе фигур (академик Д.С. Лихачёв, художник И.С. Глазунов, писатель В.А. Солоухин), различных форм самоорганизации (клуб «Родина»), деятельности «русской партии». Однако успех начинания справедливо связан с деятельностью «лоббистов в органах власти», прежде всего заместителя председателя Совета министров РСФСР В.И. Кочемасова, возглавлявшего общество в течение 17 лет. Добавлю, что Кочемасов часто упоминался в качестве влиятельной политической фигуры в интервью, которые мне приходилось брать у представителей региональных властей в 1960–1980-х гг.² В этой связи критикуется авторство, приписываемое журналисту Ю.А. Бычкову, — «красивая идея о том, как серия журналистских очерков сформировала новую реальность». Опираясь на воспоминания Кочемасова и другие источники, они выдвигают альтернативную, более прозаичную версию (с. 158–159). Освещая затем деятельность ВООПИиК и его роль в организации туристического маршрута, исследователи делают вы-

вод, что «Золотое кольцо» стало «легальной площадкой для обсуждения... возрождения национальной культуры». Интересен конец раздела, описывающий альтернативные кольцевые маршруты других регионов («Золотой Оренбургский колос», «Литературное созвездие» и др.), не получившие «должной поддержки».

В разделе 2.3 «Чёткий план и размытые границы: 27 городов “Золотого кольца”» подробно анализируются пункты маршрута, причём авторы обращаются не только к канонической схеме, но и к альтернативным. Привлекает внимание дискуссия о городах-участниках, которая развернулась на конференции в Ярославле (с. 169–178). Мотивацию подобных споров авторы видят в том, что «включение города в маршрут позволило бы... региону получить дополнительные ресурсы для развития» (с. 167).

Раздел 2.4 «Внутренняя иерархия и смена лидера» опровергает представление о монолитности проекта. Подчёркиваются иерархичность и динамизм статусов городов: «Москва проходила... по особой категории... о равенстве других участников говорить не приходится... о своём положении тревожились Иваново и Кострома» (с. 187). «Признанными лидерами оставались Суздаль и Владимир», что развёрнуто подтверждается на основе архивных документов (с. 189–194). Тонко уловлена разница в туристическом потенциале. К примеру, привилегированное положение Владимирской обл. с более ранним финансированием Центра «в отличие от ивановцев, ярославцев и костромичей, приложивших значительные усилия для рекламы и выгодной презентации своих территорий» (с. 198). В то же время «ярославцы отвоёвывали место в проекте за счёт инициативности местной администрации... Ярославль сделал ставку на... продви-

жение собственного бренда», позиционирование в качестве родины первой женщины-космонавта В.В. Терешковой (с. 200–201). Как следствие, в неформальном соревновании наметился перехват лидерства: «Ярославская область уже в конце 1960-х гг. претендовала на некий особый статус в проекте», «по уровню амбициозности Ярославль всё же выделялся» (с. 189, 202). В результате уже в постсоветскую эпоху (2016) именно Ярославль «юридически оформил права на звание столицы “Золотого кольца”» (с. 196). Единственное, пожалуй, с чем я не согласился бы в этом разделе – обидная (хоть и аргументированная) характеристика «игроки второго уровня» в отношении таких городов, как Кострома, Переславль-Залесский, Иваново (с. 203–204). В культурном аспекте такой подход вряд ли корректен.

Глава 3 «Новые территориальные иерархии и нарративы» «закольцовывает» материал первых двух глав. В разделе 3.1 «Институции и формы контроля: случай ВООПИиК» авторы применяют институциональный подход для анализа путей продвижения и факторов ограничения роста обоих проектов. По их мнению, «потенциал проектов идентифицировался властью как заведомо опасный... дискурсы войны и наследия русских территорий СССР... создавали пространство для идей», которые могли «предложить альтернативное прочтение истории страны». Как следствие, «оба проекта нуждались в серьёзном контроле», осуществление которого и продемонстрировано на примере деятельности общества (с. 209). Внимание уделено и региональным инициативам, например, неудачной попытке Орловского отделения создать маршрут «Литературное созвездие» (с. 216–217). Частые отказы в ходатайствах породили у местной власти «сомнения в праве...

на социальную акторность». Более того, «сомнения в собственном праве на высказывание» констатируются в целом у жителей центральных областей России, например, Смоленска и Воронежа, причём по сей день (с. 218–219).

В начале раздела 3.2 «Путешествие в/по СССР: поездки по “городам-героям” и “Золотому кольцу”» авторы отмечают развитие в 1960–1980-х гг. «познавательного туризма» (с. 220–222). Формат путешествий различался. В случае «городов-героев» это поездки, «нацеленные на вовлечение значительного количества участников». Путешествия по территории «Золотого кольца», напротив, относительно небольшие (до 25 человек), «от профкома» (с. 224). Внимание уделено становлению туристических инфраструктуры и сервиса (с. 224–232). Отмечается, что с 1965 г. возросла ориентация на иностранцев (с. 234–235). Авторы останавливаются на феномене Суздаля – «интуристовской» территории вплоть до распада СССР. В конце раздела указаны «точки сборки» советской туристической политики: «Волгоград был городом-легендой, Суздаль был городом-сказкой... двумя ипостасями одной страны» (с. 240).

В разделе 3.3 ««Прекрасный, как сказка, неприступный, как крепость...»: нарративы и формы восприятия городов» авторы анализируют «индивидуализированный образ, встроенный... в магистральный советский нарратив» городов, входивших в оба проекта. Так, Ярославль сделал «ставку на идею космоса», прежде всего в связи с фигурой Терешковой, благодаря которой появилась «брендовая» продукция: часы «Чайка», духи «Новая заря» (с. 244–245). Касаясь темы «городов-героев», авторы утверждают, что пафос героики, продвигавшейся властью, «системно маргинализировал» темы виктимно-

сти и национальной травмы, хотя представляется, что образы «горящего Смоленска» или «блокадного Ленинграда» всё же противоречат этому представлению. Интересно, как авторы на основании записей в гостевых книгах характеризуют турпоездки советских людей по «городам-героям». Для них это своеобразные «паломничества» (с. 251, 253).

Смысловой посыл «Золотого кольца» с его подчёркнутым вниманием к архитектуре предполагал, по мнению авторов, «отказ от разговора об имперском прошлом» (с. 258). Более того, в отношении всей отечественной истории до 1917 г. они предлагают идею «советской сказочности»: «В советских киносказках использовалась древнерусская образность... русское оказывалось сказочным», а пункты «кольца» позиционировались лишь как города-монастыри/крепости или в качестве мест рождения героев (с. 265–267). Интересны и устойчивые региональные образы: «Волга как место силы», «Иваново – город первого Совета», «костромские князья, ростовские монахи, владимирские мастера... ярославские купцы». В заключение авторы утверждают, что «нарративные стратегии проектов “Города-герои” и “Золотое кольцо” были схожи: отвечали на запрос (переживание травмы или прикосновение к истории) и... направляли его в нужную, безопасную для мифа основания сторону» (с. 269).

Глава 4 «Прошлое и будущее» весьма оригинальна. Она погружает читателя в имперский период, а затем отправляет в постсоветскую эпоху. В разделе 4.1 «Начало “Золотого кольца”»: путешествие Александра III в 1881 г.» поставлены вопросы, почему «не менее древние города... Тула на юге, Рязань на юго-востоке или Калинин (Тверь) на северо-западе... не рассматривались как потенциальные участники “Золотого кольца”»,

почему «апеллировали исключительно к территории Владимиро-Суздальского княжества». Приведены и объяснения. Так, внимание к северо-востоку можно объяснить «сохранностью объектов культуры после Великой Отечественной», «легко добираться из Москвы». Сами авторы склоняются к мысли, что «в случае с Золотым кольцом речь шла... о перевоссоздании маршрута». С их точки зрения, путешествие Александра III в 1881 г. «наметило абрис, а масштабная поездка Николая II и императорской фамилии 1913 г. сформировала круг городов, которые... составили советский маршрут “Золотое кольцо”» (с. 271–272). Опираясь на идеи Р. Уортмана, авторы предполагают, что императоры разворачивали «национальный» сценарий власти. Пространство от Москвы до Владимира и Нижнего Новгорода, стоящие на Волге Кострома и Ярославль представлялись «территорией исконно русской и православной... Путешествие Александра III оказалось закольцованным» (с. 280–283).

В следующем разделе «300-летие Дома Романовых и поездка царской семьи по России в 1913 г.» исследование императорских путешествий продолжается: «Александр II апеллировал к Великому Новгороду... Александр III смещал акценты в сторону Владимирской Руси... Николай II следовал за идеей отца» (с. 286–287). Однако маршрут 1913 г. «оказался меньше... не были востребованы Рыбинск, Бежецк, Бологое» (с. 290). Исследователи пришли к дискуссионному выводу, что «советское, формируя проект, смогло адаптировать имперский концепт». Исключение Нижнего Новгорода «изменило оптику восприятия исторического прошлого: включение Иваново было призвано... продемонстрировать достижения социалистического строя на фоне памятников средневековой Руси» (с. 301).

В разделе 4.3 «“Добро пожаловать в Санкт-Петербург, город-герой Ленинград”: постсоветская жизнь советских проектов» рассказано, как музеи «Золотого кольца» выживали в условиях сокращения финансирования, а городам-героям «пришлось уйти в тень», поскольку новые лидеры России «искали способы нивелирования советской символики» (с. 306–307). Анализируются включение памятников в Список ЮНЕСКО, конфликты музеев с Церковью (с. 310), «пересборка» проекта «Города-герои» через учреждение новых званий «Город воинской славы» и «Город трудовой доблести» (с. 311–313). Проект «Золотое кольцо» в последние 20 лет переживает «расширение и масштабирование»: укрепление лидерского статуса Ярославля, появление «клонов» «Золотого кольца» в регионах РФ. К концу 2010-х гг. «презентационные модели регионов европейской части России выстраиваются вокруг двух магистральных сюжетов: войны и культурного наследия» (с. 316–319).

Подводя итоги, хочу как житель Ярославля и исследователь Верхневолжских регионов (Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области)³ высоко оценить разделы, посвящённые данным территориям. В то же время необходимо указать на пробелы и упущения. Так, в списке литературы отсутствует важная статья А.Ю. Данилова о маршруте «Золотое кольцо»⁴, доступная в поисковой системе РИНЦ. Желательно обращение (возможно, при подготовке второго издания) не только к Государственному архиву Костромской области, но и к его филиалу – Государственному архиву новейшей истории Костромской области, в котором находится фонд обкома партии. Тем более что в случае других городов (например, Ярославля), обращение к фонду регионального обкома имело

место. К тому же сами авторы заявили в качестве одной из своих задач анализ «партийно-номенклатурной логики», но почему-то обошли вниманием обкомовский фонд одного из ключевых городов своего исследования. Отмечу также отсутствие обобщений в конце некоторых разделов. Бросается в глаза диспропорция глав, объёмы которых идут по нисходящей (первая — 101 страница, вторая — 86, третья — 64, четвёртая — 50). Стоило бы также больше внимания уделить корректуре текста. В качестве предложения рекомендовал бы при переиздании усилить книгу справочным аппаратом: указателями имён и географических объектов.

Несмотря на эти замечания, считаю, что рецензируемое издание вносит существенный вклад в изучение институтов власти, политики памяти и региональной истории послевоенного СССР. Книга будет интересна не только историкам, но и культурологам, философам, представителям дру-

гих отраслей научного знания, а также всем, кто интересуется новейшей отечественной историей. Можно лишь посетовать на малый тираж — всего 300 экземпляров. Безусловно, необходимо переиздание.

Примечания

¹ *Donovan V.* Chronicles in stone: preservation, patriotism, and identity in Northwest Russia. Ithaca; L., 2019.

² *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты. Ярославль, 2018. С. 50.

³ *Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Таточенко В.В., Тумаков Д.В.* «Властелины Золотого Кольца»: образ региональной и центральной власти в исторической памяти и архивных документах // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 424–426; *Никифоров Ю.С.* Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль, 2021.

⁴ *Данилов А.Ю.* «Золотое кольцо России»: история становления и развития туристского маршрута // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 41–45.